Кириллин В. М.

ЕПИФАНИЙ ПРЕМУДРЫЙ КАК АГИОГРАФ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА

Как известно, текст агиобиографии преп. Сергия, созданный Епифанием Премудрым приблизительно в 1418 г., в своем целостном первоначальном виде не сохранился. Считается, что этот текст в процессе многократного обращения русских книжников к жизни знаменитого Троицкого игумена претерпел череду изменений и в результате распался на фрагменты и рассеялся по разным литературным версиям Жития[1]. Данное обстоятельство, соответственно, обусловило появление различных научных мнений относительно авторского оригинала[2].

Чаще всего с Епифанием Премудрым связывают текст Пространной, или Компилятивной, редакции Жития преп. Сергия Радонежского[3], известной однако по спискам лишь начиная с 20-х годов XVI в.[4]. При этом епифаниевскими мыслят читающиеся в составе данной редакции именно Предисловие ("Слава Богу о всем..."), 30 глав жизнеописания подвижника и Похвальное Слово ему ("Тайну цареву добро есть хранити...")[5]. Иногда же пишут о том, что данная редакция содержит лишь наибольшее количество фрагментов архетипа[6], или - о том, что она отражает в целом структуру такового и стилистически соответствует писательской манере Епифания[7]. К сожалению, все эти положения чаще только констатируются, а не доказываются, или принимаются на веру как факт очевидный.

Известны также попытки более точного определения епифаниевского текста в составе Пространной редакции. Так, в прошлом священник Василий Яблонский предположил, что собственно епифаниевским является текст в объеме до главы "Об изведении источника, то есть Предисловие и первые 10-ть глав Жития[8] (кстати, принадлежность Епифанию Премудрому Похвального Слова общепризнана и никогда не оспаривалась). Точки зрения В. Яблонского придерживается и новейший исследователь Б. М. Клосс[9]. Но опять-таки ни первый, ни второй никак не доказывают своего убеждения, ограничившись лишь общей констатацией стилистического отличия означенной части от последующих глав Жития. А между тем это справедливое мнение вполне

можно доказать. Аргументы имеются.

В самом дел., первые 10-ть глав памятника наделены такими особенностями, каких нет или почти нет в прочих главах Жития - от главы "Об изведении источника" до главы "О преставлении святого". Так, выделенная часть отличается следующим.

Здесь применительно к главному герою не употребляется эпитет "святой". Имеют место лишь несколько исключений. Во-первых, означенный эпитет - причем выраженный именем существительным - встречается в названиях глав: "О преселении родителей святого", "О постржении его, еже есть начало черначеству святаго", "О прогнании бесов молитвами святаго", "О начале игуменьства святого"[10]. То же самое можно наблюдать и в названиях после главы "Об изведении источника"[11]. Однако, размышляя о делении текста Пространной редакции на главы, не трудно установить механистичность, случайность такового. Действительно, некоторые главы чрезвычайно велики по объему, а некоторые напротив очень малы; к тому же следование их друг за другом не всегда согласуется с хронологией описываемых событий (например, глава "О победе еже на Мамаа и о монастыре, иже на Дубенке", где речь идет о событиях 1380 г., читается прежде главы "О хотящем святого подвинути на митрополию"[12], где рассказывается о событиях, имевших место до или в 1378 г.). Отмеченная хаотичность поглавного деления Пространной редакции проистекает, по-видимому, из того, что первоначально Епифаний Премудрый, как он сам свидетельствует в Предисловии, хранил свои предварительные записи - собственно "главизны" - в "свитцех" и "тетратех" и "не по ряду"[13]. Легко также установить, что имеющиеся в рассматриваемой редакции названия глав не всегда точно отражают содержание последних (например, в главе "О преселении родителей святого" предмету, определенному заглавием, отведено лишь самое начало главы, большая же ее часть посвящена рассказу об аскетической настроенности юноши Варфоломея, о его братьях и их судьбе, о его отношениях с родителями и их смерти, о начале пустынничества вместе со Стефаном, о построении и освящении Троицкой церкви, об уходе Стефана в Москву и его жизни там и, наконец, о намерении оставшегося в одиночестве Варфоломея "обле-

щися в образ чернечьский"). Между прочим, в других редакциях Жития названия глав, характерные для Пространной редакции, либо варьируются, либо вообще отсутствуют[14]. Все это вполне позволяет думать о непричастности Епифания Премудрого к тем именно названиям глав, которые представлены в известных версиях Жития Сергия Радонежского и, в частности, в Пространной редакции. Следовательно, и встречающийся в этих названиях эпитет "святой" не принадлежит Епифанию.

Эпитет "святой", опять-таки выраженный именем существительным, встречается также в рассказе о пострижении Сергия. Я имею в виду фразу "Бе же святый тогда възрастом 23 лета, егда прият иночьский образ". Однако и на этот раз возникает скептическое "но". Так, Б.М.Клосс, опираясь на сопоставительный анализ редакций и списков Жития Сергия, считает эту фразу поздней вставкой[15]. От себя же добавлю: она действительно представляется несколько неожиданной и излишней не только в ближайшем контексте Пространной редакции - сразу после рассуждения об имени новопостриженного инока и перед сообщением о его первой литургии[16], но в свете нижеследующего - контекстуально более уместного, к тому же специально оформленного - сообщения о возрасте, в каковом "пострижеся" радонежский подвижник: был он тогда "более двадесяти лет видимою връстою"[17]. Если сказанное справедливо, то вставка о 23 годах - и, соответственно, эпитет "святой" - не являются епифаниевскими.

Наконец, рассматриваемый эпитет встречается в главе "О худости порт Сергиевых и некоем поселянине", а именно - в речи незадачливого крестьянина, который, придя в Троицкий монастырь, чтобы увидеть знаменитого игумена, не сумел его признать в убогом огороднике: "Вы убо, - сказал он тогда монахам, - поглумистася мною, мните мя яко изумевшася. Аз свята мужа Сергиа, яко слышах, тако и надеяхся видети..."[18]. Однако здесь эпитет "святой", относясь к числу простых, или "постоянных", которые, как известно, определяют самые общие признаки предметов и чаще всего лишают слово его конкретного значения[19], - по-видимому, не является специальным термином; то есть он не означает принадлежности к лику святых, но наделен лишь оценочным значением, отмечает лишь степень духов-

ного совершенства, достигнутого подвижником.

Между прочим, первые 10-ть глав Пространной редакции Жития в отношении употребления эпитета "святой" применительно к главному герою почти тождественны Предисловию и Похвальному Слову. Так, в Предисловии фигурируют следующие формулы: "житие мужа свята", "такова старца свята", "таковый святый старец","велика старца свята","святого того старца"[20]; аналогичные формулы читаются в Похвальном Слове: "добраго господина и святого старца", "молитвами святого старца", "великому тому и святому старцу", "житие святого тихое", "такова мужа свята и велика старца", "нечто от житиа святого", "сицева мужа свята", "противу святого подвигом", "слышавше сиа от святого"[21]. И это все. Означенный эпитет, таким образом, единичен сравнительно с другими эпитетами, функционирующими в Пространной редакции более интенсивно и регулярно; среди них, если иметь в виду только постоянные эпитеты, самыми употребительными являются, несомненно, эпитеты "преподобный" и "блаженный". При этом эпитет "святой" (а равно и другие постоянные эпитеты к образу главного героя Жития) выступает, скорее, не как агиологический термин, но как оценочное определение; иными словами, вряд ли используется в качестве титула, санкционированного актом церковной канонизации. Надо полагать, Епифаний Премудрый применительно к своему учителю еще и не мог использовать слово "святой" в терминологическом значении, так как официальное причисление Сергия Радонежского к лику святых имело место несколько позже составления его Жития (открытие мощей знаменитого основателя и игумена Троицкой обители, совпавшее, по-видимому, с началом его местного почитания как чудотворца, состоялось 5 июля по ст. ст. 1422 г.[22], а общецерковная канонизация - в 1447-1448 гг.[23]). Между прочим, аналогичная сдержанность наблюдается и в Житии Стефана Пермского (несомненно написанном Епифанием): здесь главный герой вообще ни разу не назван "святым"[24].

Итак, для первых 10-ти глав Пространной редакции Жития Сергия Радонежского не типично употребление эпитета "святой" применительно к главному персонажу. Напротив, в тексте последующих 20-ти глав означенный эпитет становится заметно

превалирующим над всеми остальными эпитетами, причем и выступает чаще всего в паре с именем персонажа: "святой Сергий", или же сам выступает как имя, транспозит: "к ним же святый отвещаваше" и т.п. Независимо от того, употребляется ли здесь эпитет "святой" со значением титула или нет, данное обстоятельство, полагаю, следует квалифицировать как результат позднейшего редактирования Жития - по крайней мере, уже после установления местного празднования памяти преп. Сергия. Подтверждением сказанного могут служить созданные позднее редакции Пахомия Логофета, в которых герой Жития последовательно и регулярно называется "святым"[25]. Подобное же отношение к Сергию демонстрировали иконописцы: в клеймах житийных икон он всегда, начиная со сцены рождения, изображался в нимбе[26], то есть - как праведник, прославленный на небесах еще при жизни.

Второе отличие начальной части рассматриваемой агиобиографии от последующих 20-ти глав состоит в степени нумерологичности текста. Действительно, первые 10-ть глав Пространной редакции (подобно Предисловию и Похвальному Слову) наделены ярко выраженной числовой структурой. Здесь многообразно, многозначно, многофункционально, а главное - системно и к тому же при описании наиболее значимых - мистически, провиденциально, духовно - моментов жизни Сергия, - используются знаменательнейшие в рамках христианской средневековой ментальности сакральные числа: 3, 12 и 7[27]. Эти числа выступают, во-первых, явно, наполняя текст лексически, в виде многократно повторяющихся повествовательных деталей, которые отражают то реальный, то метафизический планы бытия. Так, здесь фигурируют лексемы: третица, три, трикраты, трие, трижды, тричисленое число, утроиша, тремя персты; двою-на-десяте лет, два-на-десять (монахов, апостолов, колен израильских, источников воды, камней архиерейских); семь (лет, дней), 7 октября, седмижды, до седмаго, седмыя тысяща, седморицею. Во-вторых, означенные числа выступают в тексте сокровенно, в виде конструкций, опять-таки повторяющихся, которые служат абстрактной основой для построения словосочетаний, фраз, предложений, периодов, сцен. Так, здесь не только реализованы, но и сопряжены триады стилистико-син-

таксические, триады действий, речей, предсказаний, библейских цитат; в композиционно-стилистической структуре повествования встречаются также двенадцатеричные и семеричные конструкции, хотя и реже триадичных. Таким образом, то есть при помощи нумерологем и нумероформ, символически соотносимых с библейским контекстом и, соответственно, с предметами и понятиями из области Священной истории, богословия и жизни Церкви, Епифаний Премудрый создает некий умозрительный фон - идейно-образную перспективу описываемых событий. Именно это и позволяет ему весьма изящно и выразительно осуществить собственное намерение - "дела Божии проповедати"[28] и вместе с тем - прославить Сергия как богоизбранного учителя Троицы (символика числа 3), служителя Церкви (символика числа 12), подвижника добродетели (символика числа 7)[29].

Итак, в Предисловии, первых 10-ти главах и Похвальном Слове Пространной редакции Жития "числописание" играет роль заметного и сильного художественного средства. В этом отношении отчетливый контраст составляют завершающие данную редакцию 20-ть глав, поскольку они практически лишены нумерологической структуры. Отмеченное различие, думаю, показательно. Во-первых, наблюдение над ролью числовой структуры в Житии Сергия подтверждает уже известное: именно, что Епифаний Премудрый был не только теоретически хорошо осведомлен относительно священных свойств чисел[30], но и практически умел ими пользоваться на уровне стиля[31]. Следовательно, нумерологичность является индексом литературной манеры Епифания (кстати, она используется, правда слабее, и в Житии Стефана Пермского). Во-вторых, тексты в составе агиобиографии Сергия, отличающиеся нумерологической бедностью, в принципе могут рассматриваться как результат поздней редакторской переработки, в ходе которой авторский оригинал был сокращен, заметно опрощен в стилистическом и образно-символическом отношении. Отсюда последние 20-ть глав Пространной редакции вряд ли правомерно считать непосредственно епифаниевскими по тексту, хотя в общем, по фактологии они, несомненно, близки первоначальному повествованию.

Наконец, о третьем отличии рассматриваемого текста. Как известно, Епифаний Премудрый обильно снабжал свои сочинения

библейскими цитатами и ссылками на Священную и Церковную историю[32]. Это свойство, например, ярко проявляется в Житии Стефана Пермского[33]. То же самое можно сказать о Предисловии, первых 10-ти главх Пространной редакции Жития Сергия Радонежского и Похвальном Слове. Цитаты и исторические аналогии здесь так же преизобилуют, пронизывая и текст от автора и речи персонажей; при этом они нередко подаются целыми группами, - например, часто в виде триад или двенадцати членных цепочек[34] (что согласуется с нумерологическими принципами творчества Епифания). В функционально-содержательном отношении и цитаты и аналогии, с одной стороны, украшают, орнаментируют изложение, а с другой - задают определенную сакральную высоту, которая служит по сути критерием истины и для автора, и для персонажей его рассказа, и для читателей последнего. И вот при всем богатстве цитатно-аналогийного материала в Предисловии, первых 10-ти главах и Похвальном Слове Пространной редакции приходится наблюдать почти полное отсутствие такового в ее последних 20-ти главах. На мой взгляд, это также весьма показательно и свидетельствует о руке другого литератора или, во всяком случае, о другой стадии литературной обработки фактических данных из жизни преп. Сергия.

Между прочим, наблюдаемый в анализируемой редакции корпус библейских цитат с очевидностью обличает авторство именно Епифания Премудрого. В самом деле, если сравнить его с корпусом цитат, наличествующих в Житии Стефана Пермского, то легко обнаружатся общие для обоих памятников цитаты. Так, в Житии Стефана Пермского среди 316 цитат, указанных в издании В. Г. Дружинина, находим 27, встречающихся в Пространной редакции Жития Сергия Радонежского - в Предисловии, первых 10-ти главах и Похвальном Слове: среди примерно 150 цитат, указанных в издании сентябрьского тома Великих Миней Четиих. Причем во второй агиобиографии некоторые из этих 27 цитат оказываются использованными дважды: они встречаются либо в Предисловии и затем в Похвальном Слове ("въпроси отца твоего, и възвестит тебе, и старца твоя рекут тебе" - Втор. 32, 7; "без Меня не можете творити ничто же; ищите и обрящете, просите и приимете" - Ин. 15, 5; Мф. 7, 7[35]), либо в ка-

кой-нибудь из первых 10-ти глав и затем в Похвальном Слове ("Коль възлюблена села Твоа, Господи сил! Желает и скончевается душа моя въ дворы Господня" - Пс. 83, 2-3; "Изволих привметатися в дому Бога паче, нежели жити ми в селе грешничих" - Пс. 83, 11; "Волю боящихся Его сътворит, и молитву их услышит, и спасет их" - Пс. 144, 19[36]). Специально должно отметить три случая парного использования цитат, да еще такого, когда порядок их следования друг за другом остается неизменным и в Житии Стефана и в Житии Сергия: 1) "Господи, възлюбих благолепие дому Твоего и место вселениа славы Твоея; яко възлюблена села Твоя, Господи сил; желает душа моя скончатися во дворы Твоя" - Пс. 25, 8; 83, 2-3. Ср.: "Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и местоселениа славы Твоеа; дому Твоему подобает святыня Господня в долготу дни. Коль возлюблена села Твоя, Господи сил! желает и скончевается душа моя во дворы Господня"[37]. 2) "В терпении вашем стяжите душа ваша, и претерпевый до конца - той спасен будет" - Лк. 21, 19; Мф. 10, 22. Ср.: "В терпении вашем стяжите душа ваша, и претерпевый до конца - той спасен будет" - Лк. 21, 19; Мф. 10, 22. Ср.: "В терпении вашем стяжите душа ваша; претрьпевый бо до конца и спасется"[37]. 3) "Тако да просветится свет ваш пред человекы, яко да увидять дела ваша благая и прославят Отца вашего, иже есть на небесех; и пакы рече: Светилник есть телу око; и пакы: Никто ж светилника вжег, поставляют его на одр или под спудом, но на свещнице да светит, иже суть в храмине" - Мф. 5, 16; 15. Ср.: "Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видять дела ваша добрая и прославять Отца вашего, иже есть на небесех; и пакы рече: Не укрыется град верху горы стоя, не вжигают светилника и поставляють его под спудом, но на свещнице, и прочая"[37]. Имея в виду указанное совпадение библейских цитат, необходимо отметить и то, что они всякий раз, во-первых, воспроизводятся довольно схоже в плане их тождества первоисточнику, во-вторых, припоминаются в контексте довольно схожих по общему смыслу рассуждений. Но если рассмотренные здесь особенности цитирования Священного Писания не случайны, то правомерно думать об определенном комплексе любимых библейских выражений, которые при определенных условиях или

обстоятельствах чаще всего вспоминались (а ведь установлено, что Епифаний цитировал тексты Библии именно по памяти[38]). Вероятно, у каждого древнерусского писателя был свой набор таких любимых выражений. Однако в данном случае речь может идти только о Епифании Премудром.

Кстати, все сказанное о цитатах в Житии Сергия Радонежского позволяет отвести бытующее мнение о них как введенных в текст Пахомием Логофетом[39]. Это явно противоречило бы литературной манере последнего, о которой должно, полагаю, судить прежде всего по его собственным, оригинальным сочинениям - например, по лучшему из них[40] - Житию преп. Кирилла Белоэерского[41]. Здесь Пахомий действительно использовал библейские цитаты. Но как же он при этом был умерен! Никаких цепочек из цитат в Житии Кирилла нет, цитаты вообще встречаются тут редко и всегда приведены поодиночке[42]. Следовательно, Пахомий в своих нарративных сочинениях держался совсем иного, нежели Епифаний Премудрый, принципа цитирования, так что если бы он, редактируя Житие Сергия, дополнил повествование библейскими цитатами, корпус последних имел бы, очевидно, совершенно другой вид и структуру.

Итак, по крайней мере три содержательно-стилистических элемента - титулование главного героя, нумерологичность повествования и библейские изречения вкупе с библейско-археографическими сопоставлениями - резко отличают в составе Пространной редакции Жития Сергия Радонежского текст Предисловия, первых 10-ти глав и Похвального Слова от текста последних 20-ти глав. Наличие и отсутствие означенных элементов в указанных разделах повествования, думается, вполне надежно свидетельствует об их литературной гетерогенности.

Такой вывод подтверждается как будто еще одним аргументом. Если сравнить по объему первые 10-ть глав Пространной редакции с последующими 20-ю, то окажется, что текст первой части, посвященной первой половине жизни Сергия, в 2 раза обширнее текста второй части, посвященной второй половине жизни подвижника, которая однако - и в плане общественно-политическом, и в плане духовно-просветительном, и в плане церковного домостроительства была, несомненно, более значимой для российской действительности[43]. Иными словами, о рож-

дении, возрастании, начале подвижничества святого рассказывается значительно пространнее, нежели о том, за что впоследствии его стали называть "великим игуменом земли Русской". Данное обстоятельство особенно показательно в свете других версий Жития - например, 1-й и 2-й Пахомиевских редакций (по классификации Б. М. Клосса), где как раз все наоборот: текст начиная с главы "Об изведении источника" много обширнее предыдущего - видимо сокращенного - текста [44].

Итак, в рамках Пространной редакции Жития Сергия Радонежского оказались объединенными разные тексты: часть оригинала, который вышел из-под руки Епифания Премудрого около 1418 г., - Предисловие, первые 10-ть глав и Похвальное Слово (надеюсь, это доказано), и часть - последние 20-ть глав, историю которой еще предстоит выяснить: то ли она отражает предварительные этапы работы Епифания, то ли этапы позднейшего редактирования Жития Пахомием Логофетом. Во всяком случае задача настоящей статьи, думается, выполнена.

---

1) Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (втор. пол. XIV - XVIв.). Ч. 1: А - К. Л., 1988. С. 331.

2) Клосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV - XVII вв. // Метод. рекомендации по опис. слав.-рус. рукоп. книг. Вып. 3. М., 1990. С. 273.

3) См. издания: 1) Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея Руси чудотворца: (По лицев. списку Троице-Сергиевой Лавры XVI в.). Сергиев Посад, 1853; 2) Житие Сергия Радонежского // ВМЧ: Сентябрь, дни 25-30. СПб., 1883. Стб. 1563-1578; 3) Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и Похвальное ему Слово, написанное учеником его Епифанием в XV в. / Сообщил архим. Леонид. Печатаются по Троицким спискам XVI в. с разночтениями из Синодального списка Макарьевских Четьих-Миней. СПб., 1885; 4) Житие Сергия Радонежского / Подг. текста и комм. Д. М. Буланина // ПЛДР: XIV - сер. XV в. М., 1981. С. 256-429, 570-579.

4) Клосс Б. М. Указ. соч. С. 273, 276, 286.

5) СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 215.

6) ПЛДР: XIV - сер. XV в. С. 572.

7) СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 215.

8) Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания: Библиографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. 45, 62.

9) Клосс Б. М. Указ. соч. С. 276, 286.

10) ПЛДР: XIV - сер. XV в. С. 288, 300, 306, 330.

11) Там же. С. 380, 392, 394, 396, 398.

12) Там же. С. 386-388 и 392-394.

13) Там же. С. 258.

14) Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Изданные здесь редакции Б. М. Клосс считает Пахомиевскими (Указ. соч.).

15) Клосс Б. М. Указ. соч. С. 276, 286.

16) ПЛДР: XIV - сер. XV в. С. 300.

17) Там же. С. 304.

18) Там же. С. 354.

19) Коновалова О. Ф. Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1978. Т. 28. С. 327-332.

20) ПЛДР: XIV - сер. XV в. С. 256, 262.

21) Там же. С. 414, 416, 418, 420.

22) Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд. М., 1909. С. 71-74.

23) Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 72.

24) Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археограф. ком., под ред. В. Г. Дружинина. СПб., 1897.

25) Тихонравов Н. С. Древние жития преп. Сергия.

26) Преподобный Сергий Радонежский / Автор-составитель Н. Чутреева. М.: Панорама, 1992. С. 36, 45, 81.

27) Садов А. И. Знаменательные числа. СПб., 1909; Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура. Брюссель, 1974. Стб. 1255-1259; Петканова Д. Значението на числата в старобългарската литература // Старобългарската литература. София, 1983. Кн. 13. С. 12-28.

28) ПЛДР: XIV - сер. XV в. С. 258.

29) Кириллин В. М. Епифаний Премудрый: умозрение в числах о

Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сборник 6, часть 1. С.80-120.

30) Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV - XV веков. Л., 1987. С. 107.

31) Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 188-215.

32) СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 211, 212.

33) Вигзел Ф. Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 234-243.

34) ПЛДР: XIV - сер. XV в. С. 270 (речь иерея Михаила), 272 (рассуждение о числе 3) и т.п.

35) Житие Сергия: ВМЧ, Стб. 1446, 1569; 1468, 1574. - Ср. Житие Стефана: Указ. изд. С. 2 - 3.

36) Житие Сергия: ВМЧ, Стб. 1495, 1578; 1507, 1577. - Ср. Житие Стефана: Указ. изд. С. 6, 7, 32.

37) Житие Стефана: Указ. изд. 1) С.6, 2) С.16, 3) С.108. - Ср. Житие Сергия: ВМЧ, Стб. 1495, 1523, 1567.

38) Вигзел Ф. Указ. соч. С. 236.

39) СККДР. Вып. 2. Ч. 2: Л - Я. Л., 1989. С. 171.

40) Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С.159.

41) СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 173.

42) Житие Кирилла Белозерского // Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. Приложение. С. 1-63.

43) Ключевский В.О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост., посл. и комм. В.В.Колесова. М., 1991. С.259-272; Федотов Г.П. Преподобный Сергий Радонежский / Церковь и время: Ежекв. журн. ОВЦС Моск. Патриархата. 1992. No 3. С.1-25; Андроник (Трубачев), игум. Русская духовность в жизни Преподобного Сергия и его учеников // Богословские труды. М., 1989. Сб. 29. С.225-253.

44) Тихонравов Н.С. Указ. соч. С. 3-144 (Отд. 1).